

А.В. Карпова

Интерпретация легенд артуровского цикла во французской литературе XX в.

В статье рассматриваются художественные интерпретации сюжетов и тем артуровского цикла во французской литературе XX в. Краткий обзор трактовок традиционного сюжета, характеристик персонажей и художественных средств позволяет выявить характерологические особенности репрезентации средневековых легенд, оказавшихся созвучными мировоззрению современного человека.

Ключевые слова: артуровская легенда; бретонский цикл; французская литература XX в.; авторское переосмысление; Грааль.

Бретонский (артуровский) цикл представляет собой целый пласт средневековой литературы, где валлийские легенды об Артуре, мифическом короле бриттов, были включены в полуфантастическую историю английского королевства. Такое соотношение вымысла и реальности, по мнению И.А. Щириной, являлось предметом изысканий «с античных времен и проецировалось как на реальную, так и на художественную коммуникацию» [9: с. 74]. Легенды прошли несколько этапов эволюции — от кельтских сказаний дохристианской Британии, так называемых валлийских романов IX–XI вв., составивших «Мабиногион», до рыцарских романов трувера из Шампани Кретьена де Труа и его последователей, в которых они выступали уже в качестве формообразующего фактора. Тем самым, по мнению академика А.Д. Михайлова, они послужили «надежной опорой в дальнейшем, уже не средневековом развитии литературы» [5: с. 17].

Интерес к артуровской теме проявили и писатели XX в., прежде всего в Великобритании и США, где было опубликовано большое количество литературных произведений о легендарном короле. Такие попытки осмысления художественного опыта Средневековья являют собой одновременно и стремление к национальной самобытности, и желание «восстановить в правах мифологически-магическое мировидение, позволяющее представить мир как космический круговорот в его загадочной неповторимой сущности» [6: с. 23]. Кроме того, по мнению ряда исследователей (П. Зюмтор, Ю.П. Уваров, М.К. Попова), в век глобальных исторических катаклизмов, пошатнувших традиционную систему ценностей, люди пытаются вернуться назад, в «незагрязненную эпоху», найти опору в вечных образах. Согласимся с мнением Ю.П. Уварова в том, что «по контрасту с современностью Средневековье воспринимается как эпоха устойчивых ценностей, <...> когда существовали высокие принципы чести и духовные устремления» [8: с. 83].

Во Франции интерес к артуровскому циклу был значительно слабее, чем в англоязычных странах, однако некоторые авторы оставили оригинальные интерпретации сюжета. В начале XX в. легенда о рыцарях Круглого стола оказалась в центре внимания многих известных писателей, среди них — Г. Аполлинер (1880–1918), Ж. Кокто (1889–1963), Б. Виан (1868–1955), Ж. Грак (1910–2007). Писатели в средневековой легенде видели возможность приспособить ее для выражения своих эстетических и философских изысканий, поэтому персонажей выбирали произвольно, чаще всего вне прямой связи с общей сюжетной канвой цикла. Например, в притче «Гниющий чародей» Аполлинер выявляет демонические аспекты образа чародея Мерлина и выводит его чуть ли не Антихристом [1]. Соединив поэтику легенд артуровского цикла и собственные ощущения «злосчастного в любви», он создает произведение на стыке прозы и поэзии. Поэт высоко ценил «философскую драму», отмечая, что она одновременно вписывается в «кельтские глубины традиции» и «является прообразом будущей новой эстетики» [10: с. 9].

В середине XX в. артуровская легенда неоднократно воплощается на театральных подмостках. Французский исследователь М.-Д. Бобэн объясняет интерес драматургов к Средневековью желанием вынести на современную сцену «вечный репертуар», сильные произведения, за которыми стоит некое историческое прошлое и которые поэтому можно расценивать как «неколебимые ценности» [11: с. 112]. Ж. Кокто использует легенды бретонского цикла в своей пьесе «Рыцари круглого стола» (1937). Как и во многих произведениях Кокто, в пьесе параллельно существует несколько слоев для различных интерпретаций, в частности вечная борьба истины с ложью, а также борьба человеческой воли с властью наркотических веществ. В предисловии к пьесе он пишет: «Замок Артура пережил дезинтоксикацию, избавлен от козней — или, точнее, автор показывает нам его в самый момент наркотической ломки. Истина открывается. Ее трудно пережить» [2: с. 120]. В этой пьесе Мерлин воплощает собой одурманивание человеческого мозга наркотиком, а Галахад — его детоксикацию.

Еще один именитый автор XX в. — Б. Виан — также обращается к теме рыцарей Круглого стола и пишет либретто для 4-часовой оперы «Снежный рыцарь», премьера которой с большим успехом проходит в 1953 г. Виан концентрирует свое внимание на взаимоотношениях Ланселота и Гвиневры, обходя молчанием поиски Грааля и другие мотивы цикла. Выбор темы он аргументирует силой и контрастом представленных в ней мотивов: «это тема, где прямотушии и магия, галантность и вероломство, плотское влечение и стремление к Богу <...>, Рай и Ад смешаны и соединены» [14: с. 16].

Одну из самых значительных и интересных трактовок легенды предлагает Ж. Грак (1910–2007), который начал интересоваться бретонским циклом после того, как в 18-летнем возрасте впервые услышал оперу Вагнера «Парцифаль». Свой интерес к средневековым легендам он формулирует в предисловии к пьесе «Король-рыбак» (1948): «Чаще всего показательное и незаслуженное наказание

составляет основную драматическую пружину греческих мифов. <...> Совсем иным представляется мне сокровище, которым долгое время пренебрегали — мифы Средневековья. Это не трагические мифы, а открытые истории, повествующие не о наказаниях, а о вечных искушениях» [3: с. 10]. На основе легенд бретонского цикла написан его роман «В замке Арголь» (1939), который сам писатель определял как «демоническую версию» «Парцифалья», и пьеса «Король-рыбак». За основу пьесы берется либретто оперы Вагнера, но его трактовка отличается новизной: он существенно изменяет и общую схему средневековой легенды, и ее смысл. Грааль выносится за скобки христианской проблематики, а сама история предстает перед нами как путь познания высшей истины. Однако, по мнению автора, эта истина заключена не в христианском Боге, а в точке соприкосновения материального (земного) и сверхъестественного (божественного). Действие пьесы Ж. Грака разворачивается в течение суток и охватывает собой тот эпизод легенды, который был изложен Кретьеном де Труа в романе «Персеваль, или Повесть о Граале»: Персеваль случайно попадает в замок короля-рыбака и уезжает, так и не задав освободительного вопроса, который излечил бы раненого короля Амфортаса и снял чары с заколдованного замка и его обитателей. Однако, в отличие от кретьеновского Персеваля, герой Грака намеренно хранит молчание, после того как страдающий король Амфортас открывает глаза юному герою на природу Грааля: «Грааль — запретная пропасть, головокружительная высота, где душа теряется, пребывает в ужасном одиночестве, которое хуже смерти» [3: с. 63].

Послевоенная литература находит в старом легендарном своде новых героев, фокусируя внимание на фигуре Мерлина и подробно разрабатывая его сюжетную линию, ранее исследованную лишь фрагментарно, и эта тенденция достигает своего пика в 1970–1980 гг. Волшебник Мерлин становится главным персонажем романов Р. Вайнгартена, М. Рио и Р. Баржавеля. Наиболее оригинальной трактовкой из вышеперечисленных произведений является авторское переосмысление цикла в романе Р. Баржавеля «Чародей». В частности, согласно авторской интерпретации, Грааль изначально являлся чашей, которую Ева изготовила из глины, чтобы собрать кровь Адама, сочащуюся из его ребра после сотворения Евы. После грехопадения чаша была разбита ангелом, а затем вновь собрана по кусочкам, чтобы служить уже Христу [4]. Эту чашу ищут рыцари Круглого стола — Персеваль, Ланселот и Галахад, под руководством чародея Мерлина. Поиски Грааля становятся тем инициатическим путешествием, которое вне зависимости от результата помогает героям познать себя и движущие ими мотивы, именно они занимают Баржавеля. Отходя от торжественного и героического стиля повествования, хотя и не отклоняясь при этом от традиционной сюжетной канвы, в качестве комических приемов Баржавель широко использует анахронизмы, объясняя это своим желанием «вливать свежую кровь в тело этой великолепной истории», создать «новое прочтение или переработку артуровской легенды», призванную прояснить ее смысл для современного читателя [13].

В последующие годы (1980–1990), когда «искусство приобретает исключительную социальную и метафорическую нагрузку» [7: с. 100], писатели вновь возвращаются к сюжетной канве и идеологической проблематике, которые связаны с основными традиционными персонажами артуровских легенд. К примеру, роман Жака Рубо «Король Артур во времена рыцарей и волшебников» (1987) представляет собой одну из частей некоего гигантского метаромана, который пишет автор на темы артуровских сказаний. Рубо фокусирует внимание на центральном персонаже цикла — короле Артуре, в первый раз за всю историю артурианы рассказывая о предках легендарного короля и начале его царствования. Весьма интересны авторские размышления над неточностями и разночтениями средневековых источников. Это произведение, а также роман Рубо «Грааль-фикция» (1978), который недавно был переведен на русский язык, можно считать комментариями к исследовательскому пути, который проделал автор в поисках источника легенды, причем поиск этот иногда реален, а иногда воображаем, фиктивен.

На основании изложенного допустимо сделать выводы о существовании характерологических особенностей репрезентации легенд артуровского цикла во французской художественной прозе XX в. Со всей определенностью можно утверждать, что уместны типологические обобщения на основе временной периодизации рассмотренных произведений. В начале XX в. основу семантики и стилистики интерпретации легенд артурианы авторы видят в экспериментах со смысловыми полями, поиске путей ее стилистической адаптации под новые идеи, послевоенная же литература старается сделать средневековых героев близкими и понятными мышлению современного человека, акцентируя на вневременных ценностях. Литература последней четверти XX в. отходит от психологизма и интроспекции предыдущих периодов, чтобы с позиций постмодернизма рассмотреть и оценить как фактологию, так и коннотацию традиционного сюжета.

Библиографический список

Источники

1. *Аполлинер Г.* Убиенный поэт // Аполлинер Г. Гниющий чародей. Убиенный поэт. М.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2000. 240 с.
2. *Кокто Ж.* Рыцари Круглого стола // Жан Кокто: [Избр. произв.]: в 3 т. Т. 2: Театр. М.: Аграф, 2002. 293 с.
3. *Gracq J.* Le Roi-Pêcheur. Paris: José Corti, 1948. 150 p.
4. *Barjavel R.* L'Enchanteur. Paris: Gallimard, 2012. 471 p.

Литература

5. *Михайлов А.Д.* Средневековые легенды и западноевропейские литературы. М.: Языки славянской культуры, 2006. 264 с.
6. *Скороспелова Е.Б.* Русская проза XX века. М.: Теис, 2003. 420 с.
7. *Тимашева О.В.* Рецензия: Энциклопедический словарь сюрреализма // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2008. № 2. С. 98–101.

8. Уваров Ю.П. Современный французский роман (60–80-е годы): учеб. пособие. М.: Высш. шк., 1985. 96 с.
9. Щирова И.А. О «правде вымысла» // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2010. № 2 (6). С. 74–85.
10. Яснoв М. Предисловие // Аполлинер Г. Гниющий чародей. Убиенный поэт. М.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2000. 240 с.
11. *Bobin M-D.* Regards sur les sujets et les thèmes d'inspiration du théâtre lyrique contemporain // Pistone D. Le Théâtre lyrique français: 1945–1985. Paris: Honoré Champion, 1987. 85 p.
12. *Bouloumié A.* Le mythe de Merlin dans la littérature française du XXe siècle // Cahiers de recherches médiévales. 2004. № 11. 21–32 p.
13. *Monier Pierre.* Rencontre: L'Enchanteur de René Barjavel [Электронный ресурс]. URL: http://barjaweb.free.fr/SITE/ecrits/enchanteur/interview_pmonier.html (дата обращения: 28.03.2017).
14. *Vian B.* Hommes 40, chevaux des tas // Arts. 1953. № 388. 16–17 p.

References

Istochniki

1. *Apolliner G.* Ubienny'j poe't // Apolliner G. Gniyushhij charodej. Ubienny'j poe't, M.: Izd-vo Ivana Limbaxa, 2000. 240 s.
2. *Kokto Zh.* Ry'czari Kruglogo stola // Zhan Kokto: [Izbr. proizv.]: v 3 t. T. 2: Teatr. M.: Agraf, 2002. 293 s.
3. *Gracq J.* Le Roi-Pecheur. Paris: José Corti, 1948. 150 p.
4. *Barjavel R.* L'Enchanteur. Paris: Gallimard, 2012. 471 p.

Literatura

5. *Mixajlov A.D.* Srednevekovy'e legendy' i zapadnoevropejskie literatury'. M.: Yazy'ki slavyanskoj kul'tury', 2006. 264 s.
6. *Skorospelova E.B.* Russkaya proza XX veka. M.: Teis, 2003. 420 s.
7. *Timasheva O.V.* Recenziya: E'nciklopedicheskij slovar' syurrealizma // Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie». 2008. № 2. S. 98–101.
8. *Uvarov Yu.P.* Sovremenny'j francuzskij roman (60–80-e gody'): ucheb. posobie. M.: Vy'ssh. shk., 1985. 96 s.
9. *Shhirova I.A.* O «pravde vy'my'sla» // Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie». 2010. № 2 (6). S. 74–85.
10. *Yasnov M.* Predislovie // Apolliner G. Gniyushhij charodej. Ubienny'j poe't. M.: Izd-vo Ivana Limbaxa, 2000. 240 s.
11. *Bobin M-D.* Regards sur les sujets et les thèmes d'inspiration du théâtre lyrique contemporain // Pistone D. Le Théâtre lyrique français: 1945–1985. Paris: Honoré Champion, 1987. 85 p.
12. *Bouloumié A.* Le mythe de Merlin dans la littérature française du XXe siècle // Cahiers de recherches médiévales. 2004, № 11. 21–32 p.
13. *Monier Pierre.* Rencontre: L'Enchanteur de René Barjavel [E'lektronny'j resurs]. URL: http://barjaweb.free.fr/SITE/ecrits/enchanteur/interview_pmonier.html (data obrashheniya: 28.03.2017).
14. *Vian B.* Hommes 40, chevaux des tas // Arts. 1953. № 388. 16–17 p.

A.V. Karpova

**Interpretation of the Arthurian Cycle Legends
in the XXth-century French Literature**

The article dwells with the fictional interpretation of the themes and topics of the Arthurian legend in the XXth-century French literature. A brief overview of connotations rendered to the traditional plot, characters and artistic devices reveals characterological features of the legends representation that have become consonant to the modern human perspective.

Keywords: Arthurian legend; XXth-century French literature; reinterpretation, Holy Grail.